

ЛИРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

(Рецензия на издания: Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / под ред. Х. Шталь, Е. Евграшкиной. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2018; Russian Literature. Vol. 109–110, November – December 2019. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. Guest Editor: Henrike Stahl)

Кучина Т. Г.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Бокарев А. С.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

А н н о т а ц и я. В рецензии рассматриваются два издания, объединенные общей тематикой – исследованием субъектной сферы современной русской поэзии. Коллективную монографию и спецномер журнала Russian Literature составляют статьи российских и зарубежных ученых – участников совместного проекта Института языкознания и Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Трирского университета (Германия). Анализируются предложенные в статьях Х. Шталь и В. Г. Вестстейна теоретические подходы к изучению субъектной структуры поэтического текста; рассматриваются алгоритмы исследования «расщепленного субъекта», описание способов «распыления» и «собираания» субъекта, особенностей его дейктической репрезентации. В рецензии показана продуктивность исследовательских подходов, учитывающих социальные, культурные, историко-литературные, наконец, бытовые контексты современной лирики, вне которых экспериментальные тексты (например, стихотворения Г. Лукомникова, состоящие из одной буквы или знака препинания) останутся непонятыми. Разбор исследовательских работ показывает, что эра «смерти автора» в литературоведении закончилась, а проблема субъектности вышла на первый план и требует тщательного изучения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная русская поэзия; лирический субъект; лирический герой; лирическое «я»; автор.

THE LYRIC SUBJECT IN MODERN RUSSIAN POETRY: PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF RESEARCH

Tatiana G. Kuchina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Aleksey S. Bokarev

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

A b s t r a c t. The review deals with two books united by the common theme – investigation of the subject sphere of contemporary Russian poetry. The collective monograph and the special issue of the “Russian Literature” com-

Kuchina T. G., Bokarev A. S. The Lyric Subject in Modern Russian Poetry: Problems and Perspectives of Research
prise articles of Russian and foreign scholars – participants of the joint project of V. V. Vinogradov Russian Language Institute and the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences and Trier University (Germany). The authors analyze the theoretical approaches to studying subject structures of the lyric text represented in the papers of H. Stahle and W. Weststeijn and explore the research algorithms of the “split subject” and the description of the methods of “dispersing and reassembling” the lyric subject and the features of its deictic representation. The review demonstrates the effectiveness of research approaches that take into account social, cultural, historico-literary, and, finally, everyday contexts of modern poetry, outside which experimental texts remain misunderstood (for example, the verses consisting of one letter or a punctuation mark by G. Lukomnikov). The analysis of the articles shows that the era of “the death of the author” has passed and that the issue of the subject as a philological problem has come to the fore and requires careful study.

Keywords: contemporary Russian poetry; lyric subject; lyric character; lyric “ego”, author.

Для цитирования: Кучина, Т. Г. Лирический субъект в современной русской поэзии: проблемы и перспективы изучения (Рецензия на издания: Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / под ред. Х. Шталь, Е. Евграшкиной. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2018; Russian Literature. Vol. 109–110, November – December 2019. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. Guest Editor: Henrike Stahl) / Т. Г. Кучина, А. С. Бокарев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 258–264. – DOI: 10.26170/FK20-03-23.

For citation: Kuchina, T. G., Bokarev, A. S. (2020). The Lyric Subject in Modern Russian Poetry: Problems and Perspectives of Research. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 258–264. DOI: 10.26170/FK20-03-23.

Оба тома обращены к рассмотрению давно назревшей, но до сих пор недостаточно изученной проблемы – субъектности в современной русской поэзии. Границы современности при этом определены весьма четко: в поле зрения авторов попадают тексты, создававшиеся начиная с 1991 г. (времен распада СССР) – что не исключает, однако, экскурсов в куда более отдаленную историю литературы [Субъект... 2018: 7]. Составившие и книгу, и спецномер журнала *Russian Literature* материалы были представлены на международных конференциях, организованных в 2015–2016 гг. Институтом языкознания и Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Трирским университетом (Германия). Конференции объединили усилия целого ряда отечественных и зарубежных ученых (как литературоведов, так и лингвистов) – но и продемонстрировали различия как в понимании предмета, так и в методологических подходах. Цели найти универсальный инструментарий для работы с разнохарактерным материалом (в диапазоне от неотрадиционалистской лирики В. Кривулина до авангардистской – даже по нынешним меркам – «поэзии вы-

черкиваний») авторы не ставят. Безусловным достоинством публикаций является точность, с которой очерчивается в них само проблемное поле.

Так, не вызывает сомнений, что субъект должен рассматриваться в качестве важнейшего конститутивного элемента поэтического высказывания, и в современной ситуации, несмотря на констатированную некогда «смерть автора», он вновь становится актуален [Субъект... 2018: 7–8]. Краткий обзор научных концепций субъектности делает доказательным и вывод о том, что определения говорящего в стихах, свойственные более ранним эпохам, не могут быть механически перенесены на тексты конца XX – начала XXI вв. [Там же: 7–14]. Новейшая поэзия, таким образом, нуждается в специфическом, учитывающем многообразие явлений и как можно более диверсифицированном аппарате [Там же: 10]. Наметить конкретные стратегии ее анализа с точки зрения субъектной организации как раз и призваны рецензируемые издания. В соответствии с этой задачей каждое из них предполагает как теоретическое рассмотрение форм субъектности, так

и апробацию выдвинутых положений на примере конкретных текстов и авторских поэтик.

В числе наиболее общих вопросов, поднимаемых авторами, можно выделить следующие: какова природа высказывания в лирике – фактуальная или фикциональная? (статьи Х. Шталь и В. Г. Вестстейна [Субъект... 2018: 35–55, 57–65]); как называть носителя речи в стихотворении – «лирическим „я“», «лирическим героем», «лирическим субъектом» и т. д.? (статьи В. Г. Вестстейна [Russian Literature 2019: 31–46] и В. Новикова [Субъект... 2018: 67–78]); в чем своеобразии поэтического дейксиса на фоне инородных форм литературы? (статьи В. Фещенко, Е. Евграфшиной и О. Северской [Субъект... 2018: 157–169, 171–183, 185–194]). Подробно рассматриваются и темы гораздо более локальные – например, взаимосвязь стиховой организации и субъектной структуры текста, которой посвятили свои работы Р. Ходель и Ю. Орлицкий [Субъект... 2018: 219–240, 241–266], или «сцепление» фильмической оптики и телесности в поэтических произведениях русских авангардистов (об этом – статья К. Корчагина [Russian Literature 2019: 235–256]). Однако наибольший интерес вызывают, конечно же, исследования, претендующие на построение новой теории и типологии субъекта, – даже если они провоцируют на полемику или на прямые возражения.

Среди таковых – фундаментальные работы немецкого литературоведа Х. Шталь, экстраполирующие на лирику методы и приемы нарратологии [Субъект... 2018: 35–55; Russian Literature 2019: 1–29]. Справедливо не отождествляя носителя речи с биографическим автором, ученая настаивает на их автономности, утверждая «непознаваемость» последнего и его радикальную отграниченность от текста [Субъект... 2018: 50]. Такая позиция представляется дискуссионной: в исследованиях по исторической поэтике доказывается, что исходной формой отношений автора и героя в литературе является субъектный синкретизм, который лирика, в отличие от эпоса или драмы, так до конца и не преодолела [Бройтман 1997: 31–54; Бройтман 2004: 91–99]. Удостовериться в этом позволяют современная бардовская песня и рок-поэзия, где архаическая нераздельность (но и неслиянность!)

субъекта речи и автора-творца проявляется с максимальной отчетливостью: протагонист не только наделяется голосом своего создателя, но и «присваивает» его внешний облик и пантомимику (если речь идет о концерте или видеоклипе) [Доманский 2015: 84].

Выстроенная с опорой на идеи философа Г. Барта «многоипостасная модель» субъектности внутренне непротиворечива, однако в целом совершенно неспецифична для лирики. Выделяемые в рамках такой модели коммуникативные инстанции – трансцендентальный субъект (реальный автор), эмпирический субъект (носитель высказывания), текстовый субъект (аналог «абстрактного автора» в нарратологии), наконец, реляционный субъект (выявляемый как отношение текстовых субъектов разных произведений) [Субъект... 2018: 44–52] – могут быть обоснованы и на материале эпики, а с некоторыми ограничениями – и на материале драмы. Возможно, подобный подход обусловлен расширением изучаемого объекта: Х. Шталь предпочитает говорить не столько о лирике с ее относительно устойчивыми родовыми признаками, сколько о «поэзии» и «поэтических произведениях», объединенных установкой на «художественную обработку языка» [Там же: 38]. Конечно, учитывая размывание родо-жанровых границ, сформулировать «онтологическое» представление о лирике крайне трудно – но ее «эвристическое» определение, на наш взгляд, все же необходимо. Если научная продуктивность понятия напрямую зависит от его семантического объема, то чем неопределенней границы термина, тем менее состоятелен он как инструмент анализа. Слово «поэзия» же – по крайней мере в русской традиции – одно из самых расплывчатых и нетерминологичных [Орлицкий 2003], и использование его в качестве базовой категории видится неоправданным.

Демонстрация практического способа применения описанной терминологии для характеристики субъектной структуры лирического произведения дается в статье Х. Шталь «Типология субъекта в современной русской поэзии: теоретические основы» [Russian Literature 2019: 1–29]. Показательно, однако, что для рассмотрения выбираются только те поэты, у которых субъектная мно-

гослойность является объективной чертой лирики (что в современной поэзии не редкость, но и не универсальное правило). К такому относится, например, Е. Шварц с книгой «Труды и дни Лавинии, монахини из ордена обрезания сердца (От Рождества до Пасхи)», где поэтесса заведомо не равна Лавинии, а Лавиния-поэт не тождественна Лавинии-монахине. Нельзя не согласиться и с замечанием Х. Шталь о Дмитрие Александровиче Пригове, который «может служить примером игры с различием эмпирического субъекта <...>, *imago* автора <...> и поэтического субъекта автора текста <...>» [Там же: 14]. Добавим, что и стихи придуманного Б. Кенжеевым поэта Ремонта Приборова были бы идеальным объектом подобного описания. Обоснованность предлагаемого разграничения субъектных инстанций не вызывает сомнений, однако проблемная зона исследования – «материальные» маркеры, по которым следует различать субъектные слои (каковы опознавательные знаки «*imago* автора», позволяющие уверенно отграничить его от «эмпирического субъекта»?); Да и описание субъектной модели лирического текста становится довольно громоздким и без специальной подготовки трудно читаемым (вот пример: «...у Шварц это многослойный субъект с установкой на трансцендирование, а у Седаковой субъект имманентности трансцендентности с прозрачностью субъектных границ как по вертикали, так и по горизонтали» [Там же: 22]).

Тем не менее можно уверенно утверждать, что Х. Шталь предпринимает значимую попытку обновления литературоведческой теории – и ее статьи, с отдельными положениями которых можно полемизировать, заслуживают самого внимательного прочтения. Следует отдать должное и ее решительности как составителя спецномера *Russian Literature*: в соседствующей со статьей Х. Шталь работе В. Г. Вестстейна «Как назвать „говорящего“ в стихотворении?» проблема тонких различий субъектных слоев решается принципиально иначе. После критического перебора русско-, немецко- и англоязычных вариантов – поэт, лирический субъект, лирический герой, лирическое «я», *das lyrische Ich*, *the poet's persona*, *the poet-speaker* и др. – ученый останавливается на «*speaker*» (это и есть

прямой ответ на вопрос, как назвать «говорящего!»), возвращая, словно бы в противовес Х. Шталь, субъекту речи цельность и монолитность [*Russian Literature* 2019: 31–46]. (А уже автор следующей статьи – Р. Грюбель – вновь исходит из представления о «расшатанности» субъекта и поэтического «я», нетождественности реального автора, подразумеваемого поэтического субъекта и потенциального поэтического «я» [Там же: 47–68].)

Вообще, сама практика обозначения «*speaker*» в собранных в рецензируемых изданиях статьях заслуживает отдельного внимания. Так, в своем сопоставительном анализе поэтики Д. А. Пригова и А. Драгомощенко А. Уланов обходится термином «субъект» (различая лишь субъектов первого и второго уровня в поэзии Пригова) [*Russian Literature* 2019: 69–82]. Ю. Орлицкий, характеризуя субъекта лирики Г. Сапгира, оперирует термином «голос» (и при этом опорным текстом для анализа является книга Сапгира «Голоса») [Там же: 83–93]. А. Житенев, рассматривая произведение Е. Фанайловой и В. Иванова, виртуозно лавирует между «персонажем», авторским «я» и лирическим «я» [Там же: 95–107]. Е. Фридрихс-Евграфкина в статье «Гендер и пол...» предпочитает использовать термин «поэтический субъект» [Там же: 109–135]. М. Павловец в анализе предельно малых форм в поэзии Г. Лукомникова выделяет «маски» («ленивца-сибарита, эротомана и „вечного ребенка“, поэта-скомороха с разлохмаченной бородой и в толстом цветастом свитере») [Там же: 141]; субъектную сферу текстов исследователь рассматривает в соотнесенности с имиджем автора, обращающего говорение слов в перформативные акты. Вторая же статья о Лукомникове (ее автор – М. Маурицио) написана в терминах «субъекта», «себя-субъекта» и «лирического субъекта»; акцент здесь сделан на демонстрацию работы языковых приемов как важнейшего аспекта поэтики Лукомникова [Там же: 151–164].

Примеры можно было бы приводить и дальше, но суть проблемы вырисовывается вполне отчетливо: при ясном осознании нетождественности реального автора / лирического субъекта / лирического «я» / лирической маски / лирического героя (а этот термин к большинству произведений современной по-

эзии оказывается уже и вовсе неприменим) каждый исследователь пользуется собственным категориальным аппаратом – с разной степенью индивидуальных инноваций по отношению к «базовому» набору понятий.

Алгоритмы филологического анализа в статьях из обоих сборников также заслуживают специального внимания. Разумеется, без учета композиционных ходов, особенностей лексического, стилистического, ритмико-интонационного строя стихотворений не обходится практически ни одна исследовательская работа. Но по отношению к текстам Г. Сапгира, Д. А. Пригова, Г. Лукомникова, И. Ахметьева имманентный анализ становится бессилён (или не полностью им адекватен). Объяснить, как сконструирован субъект речи в стихотворении, состоящем из одного слова («почта-автомат»), одной буквы («Э») или одного знака препинания (точка как автономное произведение среди других творений Лукомникова), невозможно путем поуровневого анализа текста. Осмысление его становится реальным только в системе контекстов – биографических, историко-литературных, социально-исторических, бытовых, наконец (так, М. Павловец отмечает, что он опирался на разъяснения Лукомникова об истории создания цикла из 40 опусов: поэт «подобрал» нужные слова по время поездок на троллейбусе № 33 по Ленинскому проспекту Москвы) [Russian Literature 2019: 142]. В случае демонстративной, тематизированной «деградации субъекта» (об этом – статья В. Гречко «Несовершенство как прием: стратегии и функции деградации субъекта» [Там же: 165–183]) читателю и интерпретатору важно понимать общую систему эстетических установок автора – тогда сама фигура автора становится внетекстовой гарантией значимости текста, и в этом случае она «должна компенсировать утратившего свою ценностную позицию субъекта» [Там же: 174].

С лингвистических позиций к проблеме субъектности обращаются В. Фещенко, исходящий из тезиса о ключевой роли дейктических слов в конструировании образа говорящего в стихах [Субъект... 2018: 157–169; Russian Literature 2019: 257–274], и Н. Фатеева, исследующая проблему «расщепленности» субъекта [Russian Literature 2019: 185–202]. Сначала – чуть подробнее о первой из этих работ.

Дейксисом, как известно, принято называть совокупность языковых средств, указывающих на физические координаты коммуникативного акта – его участников, контекст, место и время протекания [Падучева 1996: 245]. Опираясь на К. Бюлера, точкой отсчета в любом высказывании исследователь предлагает считать «origo» (от лат. «происхождение», «начало»), определяемое как комплекс трех составляющих – «я – здесь – сейчас» [Субъект... 2018: 158]. Свообразие поэтического дейксиса В. Фещенко усматривает в том, что указательное поле языка в лирике – в силу единства и тесноты стихового ряда – «намеренно организуется и ритмизуется» [Там же: 165]. В результате возникает «сдвиг», при котором дейктические маркеры «сгущаются» и задают иную, отличную от линейно-синтагматической, «согласованность субъектов, объектов и предикатов» [Там же: 158]. Предметом анализа, таким образом, является не «эго», обособленное от других параметров дейксиса, а «origo», функционированием которого и формируется «динамическая субъектная структура текста» [Там же: 166].

Плодотворность изложенных принципов подтверждается качественным разбором стихотворения В. Аристова, однако остается неясным, как применять их по отношению к большому корпусу произведений (например, поэтической книге). Вопросы вызывает и положение, заимствованное В. Фещенко у британского лингвиста К. Грина, согласно которому поэтический мир «создается каждый раз заново» и «не является... подобием мира референциального» [Субъект... 2018: 162]. Думается, что такое суждение излишне категорично (хотя и не лишено оснований применительно к некоторым авангардистским практикам) и может быть опровергнуто самой историей лирики. Соотнесенность высказывания с внехудожественной ситуацией неоднократно отмечалась как ее родовое качество: появление текстов вроде «Новой жизни» Данте или комментариев А. Блока к «Стихам о Прекрасной Даме», проясняющих обстоятельства, их породившие, может рассматриваться как убедительная иллюстрация этой особенности [Бройтман 2004: 94]. А вот собственная мысль В. Фещенко – о целесообразности при анализе «дейктического измерения

текста» принимать во внимание «авторорефлексию самого поэта» [Там же: 167] – в высшей степени убедительна.

Н. Фатеева исходит из представления о лирическом субъекте как «нетождественном автору конструкте, который моделируется в тексте и не существует вне его рамок» [Russian Literature 2019: 186]. Концепция «расщепленного субъекта» (Я-пишущее и «другое Я, выступающее как рефлектирующая инстанция по отношению к первой» [Там же: 186]), обоснованная в трудах Ж. Лакана и Ж. Деррида, применяется для работы с текстами А. Драгомощенко, В. Гандельсмана, М. Степановой, В. Кальпиди, Е. Пospelова. «Расщепленность» в них заранее обнажена как прием, но движение исследователя в фарватере авторских самоопределений сопровождается характеристикой коммуникативных стратегий, посредством которых субъект обнаруживает рефлексивное начало в тексте, и анализом языковых средств, которыми достигается эффект расподобления сущностей. В частности, контаминация фразеологизмов «застать врасплох» и «потерять себя» в стихотворении Гандельсмана «Рядом» порождает фигуру, обозначенную как «некто, врасплох потерявший себя», при этом Я, смотрящее на себя со стороны, облекается в форму Ты. Стратегия «у-странения» субъекта рассматривается сквозь призму смены грамматического лица местоимений в тексте (примеривание маски Она на месте Я в стихотворениях Степановой); затем отслеживается «обнуление» Я (Я принимает нулевое значение в ситуации уравнивания субъектов третьего и первого лица). Весьма убедительный анализ местоименной сферы текстов Степановой (трансгрессии Я – Ты – Она) позволяет прийти к парадоксальному, но очень точному выводу: прямое высказывание в современной поэзии дается автору труднее, чем любые формы дистанцирования от Я [Там же: 189–194].

Концепция «расщепленного субъекта» становится отправной точкой в построениях Д. Кузьмина [Russian Literature 2019: 203–220], настаивающего на решительной смене философской рамки исследований по поэтике субъектности. Наиболее подробное на сегодня описание разновидностей лирического субъекта, созданное С. Н. Бройтманом, Д. Кузьмин считает выстроенным на «категориально-понятийном аппарате давно прошедших эпох» [Там же: 205], да и сам поэтический материал у С. Н. Бройтмана не всегда выходит за пределы первых десятилетий XX в. Для адекватного изучения «поэзии после Освенцима» Д. Кузьмин полагает важным учитывать «контекст Делеза, и прежде всего выдвинутый им тезис о том, что „внутреннее всегда оказывается складчатостью подразумеваемого внешнего“» [Там же: 206]. Ближайшим же контекстом для анализа поэтики А. Скидана в статье Д. Кузьмина становятся работы М. Липовецкого (опирающегося на идеи Дж. Агамбена об «индивидуализации через неопределенность») и К. Корчагина (опирающегося на идеи Ж. Лакана; показательно, что цитата из Лакана приводится та же, что и в статье Н. Фатеевой), а ключевой метафорой для характеристики дискурса травмы в поэзии А. Скидана – понятие «фрэггинг» (убийство солдатами офицера, подрыв; в поэзии – подрыв языка) [Там же: 206–208]. «Распыление» лирического субъекта понимается как способ противостояния репрессивной цельности – и с этой идеей нельзя не согласиться.

Подводя итог, подчеркнем, что появление обоих изданий стало в высшей степени значимым шагом в изучении субъекта лирического текста в литературе XXI в., а сохраненная составителями методологическая «разногослица» – разница методов, аналитических подходов, индивидуальных вкусов, выбираемых терминов в представленных статьях – позволяет четче очертить круг дискуссионных вопросов.

Литература

- Бройтман, С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы : в 2 т. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – Т. 2. – 368 с.
- Бройтман, С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура) / С. Н. Бройтман. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. – 307 с.
- Доманский, Ю. В. Рок-поэзия: филологический ракурс : монография / Ю. В. Доманский. – М. : Intrada, 2015. – 272 с.

Кучина Т. Г., Бокарев А. С. Лирический субъект в современной русской поэзии...

Орлицкий, Ю. Где начинается и где заканчивается современная русская поэзия / Ю. Орлицкий // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 4 (62). – С. 15–21.

Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / под ред. Х. Шталь, Е. Евграшкиной. – Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2018. – 440 с.

Russian Literature. Vol. 109–110, November – December 2019. – Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. Guest Editor: Henrike Stahl. – 314 p.

References

Broytman, S. N. (1997). *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoi poetiki. (Sub'ektno-obraznaya struktura)* [Russian lyrics of the 19th – early 20th centuries in the light of historical poetics. (Subject and image structure)]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 307 p.

Broytman, S. N. (2004). Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. In *Teoriya literatury, in 2 vols.* Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Vol. 2. 368 p.

Domanskii, Yu. V. (2015). *Rok-poeziya: filologicheskii rakurs* [Rock poetry: Philological perspective]. Moscow, Intrada. 272 p.

Orlitskii, Yu. (2003). Gde nachinaetsya i gde zakanchivaetsya sovremennaya russkaya poeziya [Where does modern Russian poetry begin and end?]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 4 (62), pp. 15–21.

Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic research (Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of narrative)]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». 464 p.

Shtal', Kh. (Ed.). (2019). *Russian Literature. Vol. 109–110, November – December*. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. 314 p.

Shtal', Kh., Evgrashkina, E. (Eds.). (2018). *Sub'ekt v noveyshei russkoyazychnoi poezii – teoriya i praktika* [The subject in the newest Russian-language poetry – theory and practice]. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften. 440 p.

Данные об авторах

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 15000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: tgkuchina@mail.ru.

Бокарев Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: asbokarev@mail.ru.

Author's information

Kuchina Tatiana Gennad'evna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

Bokarev Aleksey Sergeevich – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).